

Любовь, красота и повторяемость в мире Сергея Соловьева

Виктор МАТИЗЕН

В беседе с известным режиссером, только что выпустившим многострадальный фильм «О любви», принял участие также исполнитель главной роли Александр Абдулов

ИРИНА КАЛЕДИНА

— Когда появляется фильм, вдохновленный классической прозой, обычно начинают сравнивать художественный мир писателя и художественный мир фильма. И говорят: «Да, это Чехов» или «Нет, это не Чехов».

С.С. Это не экранизация Чехова, а то, что осталось от Чехова в моей голове. В первый раз я нарвался на чеховские рассказы на третьем курсе ВГИКа. Он меня потряс своей исключительной силой в изображении отношений между людьми. Хотя я к тому времени уже прочел Сэлинджера, Капоте, Апдайк. Но у Чехова было концентрированное русское понимание этой темы — платы за красоту, платы за романтические представления о жизни. Тогда же я решил поставить фильм по «Доктору» и «Володе», но первый рассказ отвергли из-за его, как тогда считалось, «исключительной безнравственности» — женщина живет с тремя мужчинами! А про второй пояснили, что это — черный пессимизм и что даже у больших писателей случаются неудачи. А мой мастер Столпер сказал: «Старик, ты с ума сошел. Зачем тебе эти неприязни? Возьми любой рассказ Симонова, и у тебя все будет хорошо». И вот тридцать лет во мне это болталось. Не Чехов, а то драгоценное ощущение, которое от него осталось. А экранизировать — зачем? У меня не было академических задач. Есть прекрасные издания Чехова, где он такой, как есть, и каждый может перечитать его вещи. И от него не убудет от того, что я снял свой фильм. Наоборот, прибудет, потому что кто-то, посмотрев фильм, откроет книгу — хотя бы для того, чтобы убедиться, что я — не Чехов.

А.А. А вот для меня те два образа, которые выведены во второй новелле, что поставлена по «Медведю», — чисто чеховские. Только Чехов мог вывести двух людей, которые кайфуют от своего одиночества. Одна, просыпаясь, смотрит на картину с обнаженным телом своего уroda-мужа, а другой дрессирует собаку. И оба культивируют в себе это одиночество. Мазохизм. И вдруг это приводит к тому, что они полюбили друг друга. Вот этого Чехова я играл.

— Фильм «О любви» чрезвычайно живописен — туманы, драпировки, интерьеры в духе «Ми-

ра искусства». Как все это сочетается с лаконичным стилем Чехова, которого если и можно уподобить какому-то живописцу, то Полену или Репину?

С.С. Что касается аскетизма чеховского мира, то это кто как читает Чехова... Я, например, считаю одной из самых выдающихся картин по Чехову «Даму с собачкой» Хейфица. С изысканнейшим, тончайшим, абсолютно набокковским изображением работы Месхиева-старшего. И за пресловутым «горлышком бутылки на плотине» из «Чайки» в вашем воображении возникает образ прекрасной лунной ночи. Кино всего лишь воспроизводит то, что встает за словом. Когда я снимал картину, я был заморожен бесконечной красотой ушедшего мира России и хотел совместить ее с безлюбивой любовью и трагической обреченностью мальчика...

— Зачем в фильме столь подробно показывается оранжевый. В этом есть какой-то символический смысл?

С.С. Я не доверяю концепциям. Это моя частная точка зрения, которую я никому не навязываю, но я думаю, что искусство начинается там, где смысл упирается в стену. И не думаю, что тут можно что-то объяснить. Я могу, конечно, принять подобающую позу и пуститься в концептуальные рассуждения или о том, что вся барская жизнь была оранжевой, а когда крестьяне побили в этой оранжевой стеклах, то она не выдержала морозов, или о том, что всякая душа незащищена, как цветок в оранжевой, но какое отношение это имеет к фильму? Поэтому я просто говорю, что мне нравятся зеленые и шестые за стеклом, особенно на фоне русской зимы. И это чистая правда.

— Насколько я понял, в этом фильме вы придаете особое значение музыке?

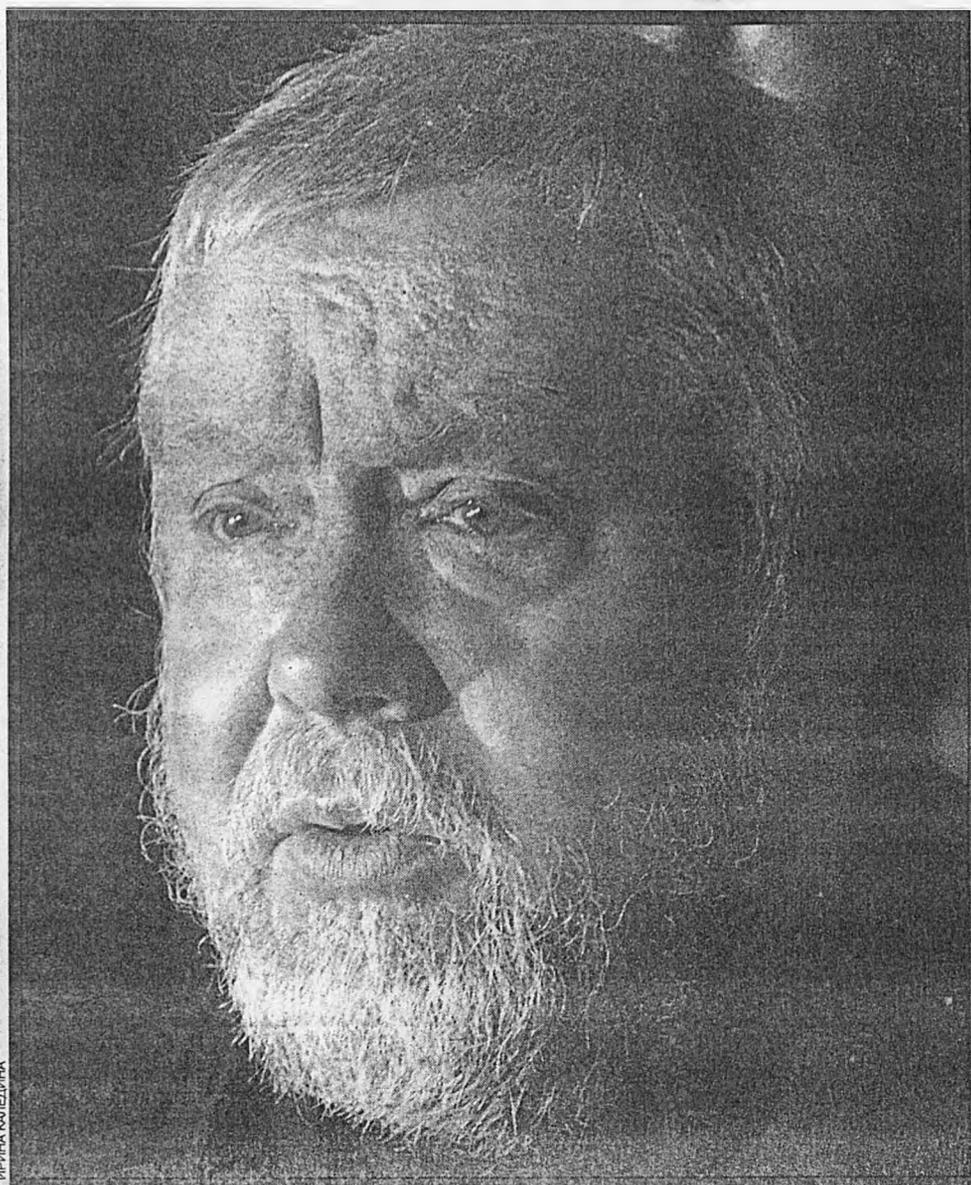
С.С. Я хотел сообщить картине трехчастную симфоническую форму. Сначала анданте — умеренно. Потом скерцо — оживленно и шутивно. Даже по-дурацки. Потому что дурацкая в нашей жизни так же важна, как драматичность и трагедийность. И, наконец, третья, главная часть — «Володя», в которой сходятся все темы. И где все повторяется, как повторяется в действительности. Я убежден, что нет ни шестидесятников, ни семидесятников, ни восьмидесятников...

— Конечно, нет. Есть семидесячуные, восьмидесячуные, девяноски, столыники...

С.С. Это все слова, слова, слова.

— Вы хотите сказать, и для этого вводите временные перекопки в фильме, что сто лет назад, сейчас и через двести лет происходило, происходит и будет происходить одно и то же. Я не убежден в такой цикличности, но вопрос в другом — почему для ее демонстрации вы избираете именно XIX век?

С.С. То, что происходило в салоне XIX века, гораздо интереснее, чем то, что происходит сейчас на любой тусовке. Пусть там побывают хоть Сорокин с Пелевиным — ничего они оттуда не вынесут, потому что эти тусовки — галиматья и собачий

ИРИНА КАЛЕДИНА

«Мне скоро 60. Но я не вижу никакого обаяния в степенности, солидности, в том, чтобы завести трубку и важно ею затягиваться...»

бред! Никому не нужный! Придурки! Строители капитализма!
— «Юпитер, ты сердисься — значит ты не прав»...

С.С. Я это говорю только для того, чтобы вы поняли круг моих личных интересов. Тусовки мне неинтересны, а салоны — интересны. Вот спросите меня по существу — с шестидесятих годов, когда я закончил ВГИК, в человеческой жизни, по ее главным параметрам, что-нибудь произошло?

— Спрашиваю.

С.С. А я вам отвечаю — НИЧЕ-ГО! Хорошие люди остались хорошими, плохие — плохими. Сменилось пастбище, вот и все.

— Ответ зависит от линзы, сквозь которую вы смотрите на мир. С некоторой точки зрения, в мире вообще ничего не меняется. Земля миллиарды лет крутится вокруг Солнца, а то, что на ее поверхности расплодилось четвероногие букашки, — мелочь, не стоящая внимания. Да и в масштабе человечества — люди плодятся и размножаются тем же старым казачьим способом, как делали это сто тысяч лет назад. А с другой точки зрения — изменилось все, и самым радикальным образом. В 60-е годы была одна страна — сейчас другая. Для кого-то это пустяк, а для кого-то очень важно.

С.С. Ну, значит, ему не близко мое мироощущение. Я уже сказал, что никому ничего не навязываю.

А.А. Я как-то снимался в одном из красивейших дворцов Санкт-Петербурга. Ко мне подошли старушки-служительницы и говорят: «У нас беда — новый директор. Он раньше был начальник зоны. Знаете, как он с нами общается? Выстроит в линейку и говорит: «У меня зекны плакали!» А вы о том, что новое отличается от старого...

— Насчет плача — отдельный вопрос. Сергей Александрович, я слышал вашу драматическую повесть о том, как вы отправили негатив фильма за границу на оцифровку, и вам сделали такую цифровую копию, что вы заплакали горькими слезами, а потом целый год улучшали ее и действительно улучшили так, что фильм можно смотреть без слез. Но почему же вы параллельно не заказали обычную фотокопию для проката?

С.С. На меня нашло. При чем не только цвет хреновый, но и артисты стали хреново играть. Представляете?! Я хотел победить эту проклятую цифру и не мог думать ни о чем другом.

— «Да ты, Парамоша, азартный...»
А.А. Еще какой!

С.С. Это правда. И вот еще что я хочу сказать про Чехова — не Чехова. Вот Кирилл Быркин, который сыграл Володю. Я его взял на роль из-за сходства с героем «400 ударов» Трюффо. И еще — с тем парнем, что играл в «Листопаде» Иоселиани. Он — музыкальный мотив, и дальше я работал уже не с актером, а со звуком, с нежностью звукоизвлечения. Или сцена с папирозом, паровозиком и пусканием дыма изо рта. Вы можете всего Чехова перебрать — и этой сцены не найдете. Знаете, откуда она? Из фильма Трюффо «Жюль и Джим», который я смотрел 40 лет назад. Там какая-то девка вставляет папиросу обратным концом в рот и пыхает дымом, изображая паровоз. Почему она застряла у меня в мозгу?! Понятия не имею, но я вдруг вспомнил ее и понял, что это тоже какой-то очень важный музыкальный мотив для постановки Чехова! И мне кажется, что это одна из самых удачных сцен, которые я когда-либо ставил. Хотя никогда не знаешь, получился у тебя фильм в целом или нет. Вот у других — знаю. По одному ракурсу могу определить, хороший будет фильм или плохой.

А.А. А я могу вообще не смотреть кино, чтобы определить,

хорошее оно или плохое. У меня безошибочный критерий.

— Какой?

А.А. Банкет. Если банкет веселый, фильм плохой. А если мрачный — наоборот. Я это понял на банкете после «Обыкновенного чуда». Собрались лучшие комедийные артисты Советского Союза. И — гробовая тишина за столом. Сидят как в воду опущенные. Потом один говорит: «Не знаю, как картина, но посидели весело». Вот и на нашем банкете была мертвая тишина. Как будто на поминках.

— Зато пресс-конференция прошла очень весело. И мне показалось, что фильм как-то задел женщин из журналистского цеха. Между нами, мужчинами, говоря, героини первой и третьей новеллы — редкостные дряни. Одна патологическая лгуныя, другая — мерзавка, которая буквально растаптывает мальчика. Антон Павлович был снисходительнее к их прообразам.

С.С. Да? Мне так не казалось. И вообще, коли мы заговорили о мерках, то женщин нельзя судить по этическим критериям. А только по эстетическим. С этой точки зрения у вас претензий нет?

— Что вы. Даже если бы и были, я бы их придержал при себе, особенно в женский месяц. Нет, по-моему, и Крюкова, и Друбич, и Волкова — дамы красивые и эстетичные.

С.С. А сам фильм — о невероятной красоте жизни.

— И о пресловутом «нежном возрасте», который вы изучаете уже тридцать лет. Этот возраст был необычайно значим для вашей личной жизни?

С.С. Я убежден, что это — самый важный возраст в жизни любого человека. Все решается именно в нем. Остальное — распухший и разбухший комментарий к тому, что произошло в этот период, либо подтверждающий, либо опровергающий то, что ты понял в это время. Второе рождение. Тектонические сдвиги внутри. Я помню, как в 13 лет прочел три книги, одна из них была «Люди. Годы. Жизнь» Эренбурга, и через месяц стал другим человеком. Как будто операцию на мозге сделали. Мне скоро 60, но во мне очень много от 14-летнего. В чистом виде. И я не только не изгоняю этого, но даже культивирую. Я не вижу никакого обаяния в степенности, солидности, в том, чтобы завести трубку и важно ею затягиваться. Все, что мне было интересно тогда, интересно и теперь, все, что я любил раньше, люблю и сейчас.

— Насчет красоты. С моей точки зрения, вы всегда были эстетом, но таким, как в этом фильме, еще не были.

С.С. Это правда. Если я мняюсь с возрастом, то именно в этом. Год назад я случайно пришел в Третьяковку. И случайно пошел через экспозицию «Мира искусства». И это она меня так ударила, что я не мог дойти до конца, а присел и понял, из-за чего мне не хочется умирать. Мне наплевать, доживу ли я до следующего президента, построим ли мы светлый капитализм, но мне безмерно жаль, что я больше не увижу этой невообразимой, этой потрясающей красоты...